

«Аванпост прогресса» Джозефа Конрада: миметическая история и эпистемология художественного произведения

Эндрю МАККЕННА

Чикагский университет Лойолы, США, amckenn@luc.edu.

Ключевые слова: Джозеф Конрад; Рене Жирар; мимезис; насилие; жертвоприношение; миметическая политика; неразличимость.

Рассказ Джозефа Конрада «Аванпост прогресса» (1896) был написан за три года до «Сердца тьмы», но уже включал все темы, затронутые в этом позднейшем вердикте колониальному империализму. В отличие от многослойных повествовательных стратегий «Сердца тьмы», в этом рассказе используется традиционное повествование от третьего лица, подробно изображающее двух колониальных деятелей, которые оказываются замешанными в работорговле ради приобретения слоновой кости. Это приводит к тому, что их братские взаимоотношения вырождаются в братоубийственную вражду — насилие миметических двойников, которое приводит к убийству одного и самоубийству другого. Повествование завершается легко узнаваемыми апокалиптическими

образами, которые открытый анти-христианин Конрад черпает из образного инвентаря западной литературы и которые, по словам Рене Жирара, являются наследием библейской критики жертвоприношений. Обширный исторический материал на тему колониализма раскрывает действующие в этой системе механизмы жертвоприношения. Таким образом, «Аванпост» можно рассматривать как главу в «миметической истории», которую Жирар исследует в своей работе «Завершить Клаузевица», уделяя особое внимание «устремлению к крайности» во взаимном насилии. Для Конрада убийство и безумие, разрушающее мир, — темы-близнецы, которые хорошо ложатся на исследование западных институтов миметической теорией.

Введение

ПОЧТИ любое упоминание Конрада, скорее всего, вызовет в памяти его повесть «Сердце тьмы» (1899), получившую широкое признание за исчерпывающую критику империалистического вторжения Европы на африканский континент и кровавых разрушений, которые оправдывались «цивилизаторской миссией», — этот лозунг использовали и английские, и бельгийские, и французские колонизаторы. Повесть также подверглась осуждению в язвительном эссе Чинуа Ачебе 1965 года: нигерийский писатель обличает вопиющий расизм, демонстрируемый изображением Африки и ее коренных жителей в соответствии с грубыми этническими стереотипами, типичными для европейцев¹. Не столь давно в этот спор включился Нидеш Лоту, предложивший миметическое прочтение всего творчества романиста. Ачебе отказывает повести в титуле «шедевра» из-за ее расистского неокOLONиального уклона. Лоту же читает Конрада сквозь призму миметической теории и доказывает, что взгляд Конрада также был миметическим. Это согласуется с утверждением Рене Жирара, что литературные шедевры пользуются культурным авторитетом за счет своей объяснительной силы для человеческого самопознания; он убедительно демонстрировал их самодостаточную роль в нашем стремлении к знаниям о человеческих взаимоотношениях, которые в своей работе «Вещи, сокрытые от создания мира» назвал «фундаментальной антропологией» (часть I)². В этом шедевре Жирар сделал еще один шаг вперед, для многих большой прорыв: он отстаивал библейское откровение как безупречный источник научных знаний о человеке, и более того — как движущую силу всех наших гуманитарных наук и этических тревог, включая скрупулезно продуманную историографию (часть II).

Перевод с английского Никиты Кутявина.

1. Achebe C. An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of Darkness // Heart of Darkness: Norton Critical Edition / R. Kimbrough (ed.). N.Y.: Norton, 1988, pp. 251–261.
2. Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2016.

Все это оказывается в центре внимания в рассказе «Аванпост прогресса», где миметический взгляд Конрада проявляется больше, чем в его повести. Написанный тремя годами ранее, он демонстрирует убедительный анализ ведущего к насилию миметического поведения — динамики, лежащей в основе антропологии Жирара. Эта история изобилует религиозными и особенно христианскими образами, а заканчивается самоубийством через повешение на кладбищенском кресте. Эта весьма двусмысленная развязка вполне в духе «критического взгляда Конрада на христианство», цитату насчет которого Лоту приводит в сноске:

Странно, как я всегда, с четырнадцати лет, не любил христианскую религию, ее доктрины, церемонии и праздники... [это] единственная религия, которая своими невыполнимыми стандартами принесла бесконечные страдания бесчисленным душам на этой земле³.

Слово «религия» не фигурирует ни в терминологическом указателе в работе Лоту о Конраде, ни в его более раннем исследовании «Призрак Эго»⁴, ни даже в его последней работе «*Homo Mimeticus*: новая теория подражания»⁵, которая представляет собой энциклопедическую учебную программу по всем аспектам мимезиса. Я не ставлю этот пробел в вину Лоту: он очень проницательный читатель Дюркгейма (для которого религия была «социальным фактом» — центральным элементом социальной организации), равно как и работ по антропологии религии, написанных позже; он тщательно анализирует фокус Дюркгейма на динамике «кипения», подразумевающего безумие, вызванное ритуальными практиками как симулякрами трансцендентности. (Для Жирара безумие — это этап ритуала жертвоприношения козла отпущения.) Этот процесс играет важную роль как в повести Конрада, так и в его рассказе, который ей во многих отношениях предшествует. Я буду отстаивать точку зрения, что «Аванпост» — это самостоятельный шедевр, где проявился тонкий анализ миметического желания, приводящего к насильственной развязке, так или иначе отмеченной жертвоприношением. У Жирара междоусобное миметическое насилие часто разрешает-

3. Lawtoo N. Conrad's Shadow: Catastrophe, Mimesis, Theory. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2016. P. 382, n. 54.

4. *Idem*. The Phantom of the Ego: Modernism and the Mimetic Unconscious. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2013.

5. *Idem*. Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation. Leuven: Leuven University Press, 2022.

ся механизмом козла отпущения, а насилие всех против всех сводится к насилию всех против одного, и потом жертва сакрализуется как виновник насилия и одновременно божественное существо, которое его останавливает. Культовое воспроизведение этого кризиса неразличимости принимает форму жертвоприношения — процесса, который Жирар анализирует в своей критике «религиозного» (*le religieux*) и определяет как «непонимание» (*méconnaissance*) — движущую силу архаической религии в «Насилии и священном»⁶.

«Аванпост прогресса» как литературный опыт миметического анализа

В рассказе «Аванпост прогресса» есть все основные темы, затрагиваемые и в повести Конрада, но использование прямого, «всеведущего» повествования от третьего лица здесь резко контрастирует со сложным наложением косвенных нарративных стратегий, которые смущали критиков и фрустрировали читателей в повести. Повествование в «Сердце» начинается с рассказа о Марлоу, плывущем на борту корабля по Темзе, но ожидаемое читателем повествование о моряке (стандартный жанр для издателей того времени) нарушается размышлениями героя о преемственности, а не об отличиях между варварскими корнями Европы и той вроде как экзотической аборигенной культурой, которую он наблюдал в Африке. Его заказ от Компании — это поиск таинственного Куртца, чей просветительский идеализм обратился в отчаянный призыв к геноциду: «Истребляйте всех скотов!» — как значилось на полях его отчета Компании⁷. Самодовольные заявления Международного общества подавления диких обычаев, которые поддерживают миссию Марлоу, резко контрастируют со свидетельствами о колониальных жестокостях и грабежах. Повесть читается как деконструкция заблуждений просвещенной Европы о самой себе.

Все это подробно рассмотрено в обширном архиве *Conradiana*, к которому прилежно обращается Лоту. Тем не менее обвинение Ачебе остается в силе, если вспомнить, что вербальный контакт Марлоу с африканцами ограничивается двумя неграмотными фразами: «Съедем!», — это замечание туземца по поводу плывущих по реке трупов (каннибализм невежественно сводится здесь к аппетиту, в то время как антропология религии неизменно воз-

6. Жирар Р. Насилие и священное. М.: НЛЮ, 2010.

7. Здесь и далее цит. по изданию: Конрад Дж. Сердце тьмы // Он же. Сердце тьмы и другие повести. СПб.: Азбука, 1999. С. 7–136.

водила его к ритуальной функции, направленной на поглощение силы поверженных врагов); «Миста Куртц... умереть!», — говорит Марлоу в конце его путешествия. Вот и все «голоса Африки».

«Аванпост» выделяется не тем, что дает-таки африканцам говорить, а тем, что детально исследует динамику взаимодействия колониальных офицеров, которую повесть почти совершенно упускает из виду. «Сердце тьмы» — это критика европейского колониализма с точки зрения возмущенного свидетеля грабежей; «Аванпост прогресса» рассматривает операции «на земле» — на удаленной фактории всего с двумя сотрудниками. Их единственная связь с африканцами — это Гобила, местный вождь племени, снабжающий их продовольствием, которым их не обеспечивает должным образом Компания, и, что более важно, Макола, «утверждавший, что его имя Генри Прайс». Он фактически отвечает за их бизнес:

Он говорил по-английски и по-французски со щебечущим акцентом, отличался прекрасным почерком, знал бухгалтерию и в тайниках своего сердца хранил глубокую веру в злых духов⁸.

Возможно, это последнее замечание ни на чем не основано, но главное здесь — что Макола выполняет всю работу на аванпосте. Вдобавок он «презирает обоих белых», поскольку превосходит их во всех практических вопросах, — в связи с чем и взял себе европейское прозвище. Такие случаи, когда местные идентифицируют себя с престижем оккупационных властей, Лоту называет «колониальным мимезисом».

Критическая точка зрения, которую Конрад приберегает для колонизаторов, видна уже в первой фразе рассказа:

Заведовали торговой станцией двое белых: Кайер (*Kayerts*) — начальник — коротенький и толстый человек; Карлье (*Carlier*) — помощник — высокого роста, с большой головой и очень широким торсом, насаженным на длинные, тощие ноги.

Директор Компании безо всякого стеснения обзывает их «двумя идиотами». Сами их имена предполагают ничтожество, поскольку фонемически дублируются и перекликаются между собой; это лишь шифр в самом унижительном смысле, поскольку написания их имен накладываются друг на друга. В компании этих двух бес-

8. Здесь и далее цит. по изданию: Конрад Дж. Аванпост прогресса // Английская новелла / Под ред. Ю. Ковалева. Л.: Лениздат, 1961.

помощных и легкомысленных «неопрятных мужчин» мы оказываемся в стране сатиры Диккенса — царстве господ Будла, Кудла и Дудла, которые устраивают бессмысленные парламентские дебаты в «Холодном доме». Литература XIX века изобилует такими комическими двойниками: их мы видим и в «Двойнике» Достоевского, где все бюрократические служащие безымянны, ничтожны и легко заменимы. Эта тенденция достигает комического апогея в посмертно опубликованном романе Флобера «Бувар и Пекюше», где герои — два переписчика на пенсии, чьи любительские исследования и эксперименты охватывают весь спектр доступных знаний.

Лоту обозначает персонажей Конрада как «двойников» и на этом останавливается. Но чтобы оценить способность произведения к самоинтерпретации, стоит внимательнее вникнуть в текст, в стиль, в «содержание его формы»⁹ подробнее. Такова всегда была цель той очень французской практики внимательного чтения *explication de texte* («разбора текстов»), к которой Жирар систематически призывал своих студентов в Университете Джонса Хопкинса. Для собственно литературной критики в тексте важно не «что», которое может быть предметом всевозможных развлечений, высоких и низких, а «как» — то, как он стремится воспитывать своих читателей.

Изображение Кайера и Карлье дает всеведущему рассказчику возможность выступить с обличительной речью о безликой толпе, чьей отличительной чертой является отсутствие свободы действий и любого рода инициативы. Позволим себе привести пространный цитату:

Они оба были маленькими, ничтожными людьми, бытие которых обуславливается лишь высокой организацией цивилизованного общества. Очень немногие понимают, что их жизнь, самая сущность их характера, их способностей и дерзаний являются лишь выражением их веры в надежность окружающей обстановки. Мужество, хладнокровие, уверенность, эмоции, принципы, каждая великая и каждая ничтожная мысль принадлежат не отдельной личности, но массе — массе, которая слепо верит в несокрушимую силу своих учреждений и своей морали, в могущество своей полиции и своих мнений. Но соприкосновение с подлинным, ничем не смягченным варварством, с первобытной природой и примитивным человеком вселяет в сердца внезапную и глубокую тревогу. К чувству одиночества, к отчетливому

9. Gans E. Signs of Paradox: Irony, Resentment, and Other Mimetic Structures. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997. P. 168–183.

представлению об оторванности своих мыслей и своих ощущений, к отрицанию всего привычного и надежного присоединяется утверждение необычного и грозящего опасностью, представление о вещах неясных, отталкивающих и не поддающихся контролю; это волнующее вторжение возбуждает воображение, терзает цивилизованные нервы и глупых, и мудрых.

Конрада, который много путешествовал, европейские городские жители, кажется, раздражали. Этноцентрическое представление о «чистой непримиримой дикости с первобытной природой и первобытным человеком» не представляется ему убедительным, и в его повести, где глубоко исследуется «тревога в сердце», различие между Европой и «нравами дикарей» стирается. Замечания Конрада здесь указывают на опыт городского населения промышленно развитой Европы, печально известного своим участием в постоянных революционных потрясениях. Его появление на исторической арене, которое сопровождало триумф промышленного капитализма, стало мотивом для создания новаторских работ Гюстава Лебона и Габриэля Тарда, чье значение для миметических исследований подчеркивали Поль Дюмушель и Жан-Пьер Дюпюи, а затем и Лоту.

Именно из этой безликой толпы ничтожеств и взята наша пара колонизаторов. Их пустота, подчеркнутая их именами, усиливается тем, насколько равнодушно передается речь со стороны то одного, то другого. Рассказчик саркастически заявляет об их полной непригодности для места, в которое они попали:

Невозможно было бы найти двух людей, менее приспособленных для подобной борьбы. Общество, отнюдь не по доброте, но преследуя свои неведомые цели, позаботилось об этих людях, запретив им всякую самостоятельную мысль, всякую инициативу, всякое отступление от рутины — запретив под угрозой смерти. Они могли жить лишь при одном условии — оставаясь машинами. И теперь, избавленные от заботливой опеки людей с пером за ухом или с золотой нашивкой на рукаве, они походили на тех пожизненных заключенных, какие после долгих лет тюрьмы получают свободу и не знают, что с ней делать. И эти двое не знали, как им использовать свои силы, ибо, не имея опыта, они были не способны к самостоятельному мышлению.

Далее колониальное предприятие удостаивается пинка во время эпизода с чтением газеты, где бредовые идеи «цивилизаторской миссии» выставлены жвачкой для дураков:

Пресса обсуждала то, что ей угодно было высокопарно называть: «Наша колониальная экспансия». Здесь много говорилось о правах и обязанностях носителей цивилизации, о святости просветительной работы, превозносились заслуги тех, кто несет свет, веру и коммерцию в темные уголки земли. Карлье и Кайер прочли, подивились и начали лучше думать о себе. Как-то вечером Карлье сказал, размахивая рукой: «Через сто лет здесь, быть может, будет город. Набережные и склады, казармы и... и... бильярдные. Цивилизация, мой мальчик, и добродетель, и все такое прочее... А потом люди прочтут, что два славных парня, Кайер и Карлье, были первыми цивилизованными людьми, поселившимися в этих местах».

Когда они разговаривают, их устами говорят «прописные истины» культуры. Здесь проявляется известное восхищение Конрада Флобером.

«Так прошло пять месяцев», — читаем мы в абзаце, состоящем из одного простого предложения (еще одна флоберовская черта). Автор умело настраивает нас на поворотный момент в повествовании, принимающем зловещий оборот с прохождением через заставу представителей каких-то более отдаленных и злых племен, вооруженных мушкетами. Макола из-за них нервничает: «Они, может быть, дурные люди»; «Мне эти парни не нравятся, и, знаете ли, Кайер, они, должно быть, пришли с морского берега: у них есть ружья»; «Кайеру эти парни тоже не нравились. <...> „Нужно распорядиться, пусть Макола им скажет, чтобы они ушли до наступления темноты“». Все, что слышится в темноте, — это «барабанный бой в джунглях», где барабаны словно общаются друг с другом:

И сквозь глубокий грохочущий шум резкие вопли, похожие на обрывки песен из сумасшедшего дома, вырывались, пронзительные и высокие, нестройными вспышками звуков, которые как будто взлетали высоко над землей и прогоняли мир и покой.

Это предвкушение тематизированного в «Сердце тьмы» ритуального безумия — которое, как утверждается, поработило Куртца.

Это ощущение витающего в воздухе безумия можно объяснить несамокритичным, снисходительным взглядом колонизаторов — и самого Конрада — на туземные обычаи, который создает жуткую атмосферу, созвучную этноцентризму сказок; популярные фильмы последующих десятилетий будут использовать клише «туземцы сегодня беспокойные». В аналитическом словаре Лоту это признак *пафоса* — эмоционального невежества имперского дискурса, который, по его мнению, чередуется у Конрада с более рациональным, дисциплинированным *логосом* в форме острого крити-

ческого отвращения к расистской торговле Европы человеческой плотью. Рациональное Эго окутано и временами подавлено теньными миметическими импульсами. Что в этой истории представляет интерес для исследователей мимезиса — так это то, какую форму безумие принимает во время паники, характеризующей поведение наших глуповатых главных героев во второй половине истории.

В итоге от Маколы они узнают, что десятиртых рабочих, призыванных (или угнанных?) «издалека» для ручного труда докеров, обменяли на большой запас слоновой кости. Этот фрагмент диалога, обрывистость которого вскоре покажется еще более зловеющей из-за того, чего он *не отражает*, ясно демонстрирует цену этой сделки. Начиная со слов Маколы:

- Эти люди, что вчера приходили, — торговцы из Лоанды. У них слоновой кости больше, чем они могут снести домой. Купить мне у них? Я знаю их лагерь.
- Конечно, — сказал Кайер. — Что это за торговцы?
- Дурные люди, — равнодушно сказал Макола. — Они сражаются со всеми и забирают женщин и детей. Плохие люди, и у них есть ружья. Тут в округе большое смятение. Нужна вам слоновая кость?
- Да, — сказал Кайер.
- Макола помолчал, потом — пробормотал, оглянувшись:
- Эти наши рабочие никуда не годятся. Станция в очень плохом состоянии, сэр. Директор будет ворчать. Лучше добыть побольше слоновой кости, тогда он ничего не скажет.
- Я ничего не могу поделать — люди не хотят работать, — сказал Кайер. — Когда ты достанешь эту слоновую кость?

Макола отвечает: «Скоро... предоставьте это мне», — и предлагает дать их работникам пальмовое вино, «чтобы они поплясали вечером. Пусть повеселятся», на что Кайер отвечает простым «да». Далее следует ироничное преуменьшение того, что произошло: «Несколько человек из деревни Гобилы присоединились к станционным рабочим, и праздник удался на славу». Разгул тем не менее переходит в крики, затем раздается выстрел. Мы не знаем, кто и в кого стрелял, но Макола старается успокоить своих работодателей: «Потом он шепнул: „Все в порядке. Принесли слоновую кость. Не говорите. Я свое дело знаю“. <...> Они слышали шаги, шепот, какие-то стоны», как «бросили на землю что-то тяжелое», но это вызвало лишь удовлетворение пары колонизаторов: «Белые лежали на своих жестких постелях и думали: „Этот Макола незаменим“». Их пассивность подчеркивается, тематизируется, и сама эта мысль будет повторяться далее: они *ничего не делают*.

Сожалея о предполагаемом бегстве работников станции, они спрашивают о лежащих перед ними шести великолепных бивнях и узнают, что их сотрудников на самом деле продали в рабство за слоновую кость. На возмущение Кайера («Ах ты негодяй!») Макола «невозмутимо» отвечает: «Я старался для вас и для компании». В отвращении ко всей этой сделке они угрожают уволить Маколу, «донести на него», приказывают ему бросить слоновую кость в реку, отказываются смотреть на нее; однако чуть позже Карлье, «закурив трубку», начал оценивать свою часть добра, «долго стоял там над бивнями, коснулся некоторых ног, даже попробовал поднять самый большой». Намек на соучастие только проскальзывает, что характерно для этого рассказа. Единственным следом деревенского праздника является один из людей Гобилы: «Он лежит мертвый перед хижинами — прострелен насквозь. Этот выстрел мы слышали ночью».

Влечение к слоновой кости сочетается с отвращением к сделке, которая обеспечила ее наличие. Конрад представляет размышления белых людей о торговле как мягкий отголосок европейской «цивилизованной» точки зрения; краткость фраз, как и их последовательное повторение, подчеркивают скудость колонизаторов в выражении чувств. После этого итоги подводит сам автор:

- Конечно, мы не можем притрагиваться к слоновой кости, — сказал Кайер.
- Конечно, — согласился Карлье.
- Рабство — ужасная вещь, — нетвердым голосом выговорил Кайер.
- Ужасная, такие мучения, — убежденно пробормотал Карлье. Они верили в свои слова. Каждый проявляет почтительное внимание к известным звукам, какие он и ему подобные могут произносить. Но о чувствах люди, в сущности, не знают ничего. Мы говорим с негодованием или с восторгом; мы рассуждаем о притеснениях, жестокости, преступлении, преданности, самопожертвовании, добродетели, но ничего реального, скрывающегося за словами, мы не знаем. Никто не знает, что значит страдание или самопожертвование, за исключением, быть может, жертв тайной цели этих иллюзий.

Еще один из флоберовских моментов у Конрада: он обличает ритуальный обмен «прописными истинами» — шибболетами западного либерализма, жертвы которого свидетельствуют против нашей высокомерной болтовни; это также и выпад в сторону жертвенной экономики. Это отрывок о жертвах и банальностях, произноси-

мых, чтобы скрыть их от глаз, лишить их внимания. Непризнание их как жертв — не результат жертвоприношения, а риторическая стратегия, призванная скрыть жертвенное насилие за ценностными формулировками. Это отрицание является ключом как к англо-европейскому, так и к американскому империализму.

Марлоу говорит, что «вся Европа приняла участие в становлении Куртца». Это же можно сказать и о польско-франко-англоязычном эмигранте Конраде, который берется за мучительное самокритичное разоблачение. Куртц/Конрад отождествляет себя не с отсталыми церквями Европы, а с Просвещением, которое нужно признать наследником иудеохристианского разоблачения жертвоприношения и многословных попыток его скрыть. Критика империи — это свидетельство о рождении Израиля, которое обновляется его пророками, выступающими против «убежища лжи» (Ис 28:17), которое их народ ищет ценой компромиссов с идолопоклонством¹⁰. Приверженцем этой неистребимой традиции является даже атеист Конрад, равно как и яростный антиклерикал Вольтер, чей «Кандид» (глава 19) обличает всю Европу за ее жестокие и сребролюбивые колониальные практики в единственной фразе: лежащий на обочине дороги изувеченный раб без руки и ноги на возмущенный вопрос Кандида отвечает, что это «цена, которую мы платим за то, чтобы у вас в Европе был сахар».

Подлинно пророческая роль обличать нас за грабежи и попытки их скрыть выпадает нашим лучшим писателям. Именно этот трюк и проворачивают два колониальных агента, злоупотребляя насилием, а затем отрицая его путем обвинения кого-то другого; Конрад лукаво вуалирует их *соучастие* в сговоре, когда они взвешивают бивни из слоновой кости, одновременно проклиная проврнувшего сделку переговорщика:

Он оказался слишком тяжелым. Макола беспомощно выпрямился, не говоря ни слова, и с минуту все трое стояли вокруг весов, немые и неподвижные, как статуи. Вдруг Карлье сказал:

— Макола! Берись за другой конец, скотина! — И вдвоем они подняли бивень. <...>

Когда все было кончено, Макола прошептал:

— Солнце здесь слишком разогревает бивни.

Карлье небрежно сказал Кайеру:

— Знаете, начальник, я, пожалуй, помогу ему перенести их на склад.

10. *Bandera C. A Refuge of Lies: Reflections on Faith and Fiction.* East Lansing, MI: Michigan University Press, 2013.

И далее они начинают небрежно оправдываться:

Когда они вместе шли к дому, Кайер заметил со вздохом:

— Это нужно было сделать.

А Карлье добавил:

— Очень прискорбно, но люди были рабочими компании, и слоновая кость принадлежит компании. Мы должны о ней заботиться.

— Я, конечно, доложу директору, — сказал Кайер.

— Конечно, пусть он решает, — одобрил Карлье.

«Конечно»: все с тем же повтором, как нечто само собой разумеющееся по должностной инструкции; «скрытность» и «небрежный тон» здесь обеспечивают как отчуждение и рутинизацию грабежа, так и перекладывание ответственности на директора. В следующем абзаце ответственность за сомнительное (точнее, ужасное) решение возлагается на Маколу:

В полдень они с аппетитом пообедали. Кайер время от времени вздыхал. Упомянув имя Маколы, они всякий раз прибавляли к нему бранный эпитет. От этого им становилось легче.

Наживаться на сделке, обвиняя в ее исполнении другого, — это хлеб насущный идеологии, ее «неведение» или «ложное сознание» (по выражению Маркса). Что касается африканской стороны, то

... в страхе кроткий старый Гобила сулил экстренные человеческие жертвы всем злым духам, овладевшим его белыми друзьями... Кто мог предвидеть, какие бедствия принесут эти таинственные создания, если их рассердить?

Это не насмешка над суевериями африканцев; речь идет не о них, а о нас — о том, какими мы, современные люди, кажемся им в нашей миметической алчности, не скованной ритуальным контролем над насилием. Опасения Гобила предвещают грядущие ужасы; переданные через свободную косвенную речь, они объясняют для западных читателей «эффект Куртца» — наше незнание самих себя; отсюда и логичное замешательство Гобила относительно «колдовства белых людей». Так они называют то, что мы полагаем коммерцией.

Знаменитый русский лингвист Виктор Шкловский писал о роли «остранения» в литературе: это значит сделать то, что мы принимаем как должное, необычным, и рассматривать вещи, изображаемые не так, как это принято в рамках общепринятых взглядов

на реальность. Этот спектакль венчается переживанием отчуждения от самих себя (которое и происходит с этими двумя не-сущностями), и поворотным моментом этого отчуждения становится их соучастие в работорговле:

На них производило впечатление не столько полнейшее и немое уединение станции, сколько неясное чувство — словно ушло от них нечто, заботившееся об их безопасности, оберегавшее их сердца от влияния дикой страны. Картины домашней жизни — там, далеко, — воспоминания о людях, подобных им, которые думали и чувствовали так, как привыкли думать и чувствовать они, отодвинулись дальше, стали неясными в сиянии солнца на безоблачном небе. И из великого молчания окружавшей их глуши к ним, казалось, приблизилась ее безнадежность и дикость, мягко завлекала их, обратила на них свои взоры, окутала заботливостью, непреодолимой, фамильярной и отвратительной.

Это отвращение — их собственное и к самим себе; «окружавшая их глушь» с ее безысходностью и дикостью впитывается в их сознание, в их образ себя. Люди Гобилы прогоняют их «дождем стрел». Их изоляция увеличивается с опозданием парохода, который должен был доставить припасы. Попытки добыть провизию с помощью охоты или рыбалки не удаются. Разочарование приводит к тому, что «Карлье впал в бешенство и кричал о необходимости истребить всех негров, чтобы сделать страну пригодной для жительства».

Эта фраза найдет свое место в маргиналиях Куртца, но исходит не от Конрада; ее можно найти в колониальных архивах, изученных Каролиной Элкинс в книге «Наследие насилия: история Британской империи», где говорится о «сползании в атмосферу бесчеловечности». В ней рассматривается множество заявлений о превосходстве белых, цитат Черчилля, Джона Стюарта Милля, Карлейля и других. «Насилие было эндемично для этой структуры», — заключает она¹¹. Эти жертвы — обычная цена за ведение бизнеса: акционером печально известной Ост-Индской компании был даже Джон Локк. «Уничтожьте всех дикарей» — так называется книга Свена Линдквиста, и этот заголовок — цитата, которую многие апологеты колонизаторов повторяли еще до того, как это выражение дошло до Конрада. А он, возможно, взял его у Роджера Кейсмента — первого разоблачителя Бельгийского Конго. Линд-

11. *Elkins C. Legacy of Violence: A History of the British Empire*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2022. P. 21.

квист обращается к книге Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма», которая начинается с описания африканского царства короля Леопольда. Обращение к Арендт показывает, как колониальный империализм подготовил почву для тоталитаризма, порожденного расизмом. Геноцид, как пишет Линдквист, — это «неизбежный побочный продукт прогресса»¹². Представляя свой рассказ о путешествии, который является также и упражнением в полевой антропологии в бывших колониях Европы, он показывает, что геноцид существовал еще до того, как изобрели само слово¹³. В знак признания этой ужасной цепочки преступлений против человечества уже в XIX–XX веках с отсылкой к Конраду был придуман термин «хорроризм»¹⁴.

Именно Кейсменту Конрад вверил свое недовольство тем, что «Сердце тьмы» «туманно» и является, по его мнению, «ужасной выдумкой»¹⁵. Мрачность прозы, нагромождение прилагательных и его кажущаяся метафизика зла для читателей-студентов и «простого читателя» в целом — часто настоящая пытка. Здесь нужно остановиться не только на прямой и беспроblemной точке зрения всеведущего рассказчика, но и особенно на влиянии Куртца на наших главных героев: «Они давно уже подсчитали свои проценты с торговых операций, включая сюда и последнюю сделку „этого гнусного Маколы“». Они также согласились не сообщать директору:

— Он видывал вещи похуже — те, что делаются втихомолку, — с грубым смехом настаивал Карлье. — Можете поверить! Он вас не поблагодарит, если вы станете болтать. Он не лучше нас с вами. Кто может рассказать, если мы придержим язык? Здесь нет никого.

Перевод стрелок — это трамплин для ухода от ответственности, которая тем не менее преследует их в разговорах.

Изолированные из-за того, что оскорбили провозглашаемые ими ценности, оба по мере сил обращают недовольство собой на других: они «проклинали компанию, Африку и день, когда ро-

12. Линдквист С. Уничтожьте всех дикарей. М.: Паулсен, 1992. С. 80. (Оригинальное название книги — та же цитата из Конрада, которая переводилась на русский как «Истребляйте всех скотов». — Прим. ред.)

13. Там же. С. 90.

14. Lawtoo N. The Phantom of the Ego. P. 129, 293, 323.

15. Grandin G. In Kurtz's World: Joseph Conrad and Violence of Civilization // The Nation. 28.03.2018. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/joseph-conrad-and-the-dawn-of-globalization>.

дились на свет». Эти проклятия неизбежно найдут менее отдаленную цель — друг в друге: «Когда Кайер и Карлье разговаривали, они огрызались, и их молчание было горько, словно окрашено горечью их мыслей». В своих лишениях они пили кофе без сахара, оставляя «последние пятнадцать кусков... „на случай болезни“». Это все, что нужно, чтобы положить начало миметическому безумию:

Однажды, позавтракав вареным рисом, Карлье поставил свою чашку, не притронувшись к кофе, и сказал.

— К черту всё! Выпьем разок чашку приличного кофе. Достаньте тот сахар, Кайер!

— Для больных, — пробормотал Кайер, не поднимая глаз.

— «Для больных», — передразнил Карлье. — Вздор!.. Ладно! Я болен.

— Вы больны не больше, чем я, а я обхожусь без сахара, — миролюбивым тоном сказал Кайер.

— Живо! Тащите сахар, старый скупердяй, торговец невольниками.

Едва ли он мог сказать в этом споре что-нибудь худшее. «Вызывающая наглость» Карлье поражает Кайера до такой степени, что тот больше не узнает своего компаньона:

И вдруг Кайеру почудилось, что раньше он никогда не видел этого человека. Кто он такой? Он ничего о нем не знал. На что он был способен? Кайера внезапно охватило сильное волнение, словно ему грозило что-то неведомое, опасное, грозил конец.

Реальность расклеивается, ее связи распадаются; Конрад проследживает путь от панибратства к братоубийственному самоуничтожению — из-за куска сахара, — которое по спирали переходит в обоюднo-взаимные миметические упрёки:

— Эта шутка очень дурного тона. Не повторяйте ее.

— Шутка! — воскликнул Карлье, придвигаясь на своем стуле. — Я голоден, я болен — я не шучу. Я ненавижу лицемеров. Вы лицемер! Вы торговец невольниками. Я торговец невольниками. В этой проклятой стране только и есть, что торговцы невольниками. Я желаю во что бы то ни стало пить сегодня кофе с сахаром!

Остатки иерархии и порядка растворились, вылившись в яростно-истерическую свару: «Кайер в отчаянии слепо ринулся вперед» и спрятался за дверь с револьвером, а Карлье

...начал бешено стучать в дверь и орать:

— Если ты не принесешь сахару, я тебя пристрелю, как собаку. Ну... раз... два... три... Не хочешь? Я тебе покажу, кто здесь хозяин!

Сахар, рабство, господство, что угодно... Среди этой жестокой взаимности Кайер отдается роковому моменту панического трепета:

Из-за чего они поспорили? Из-за сахара! Какая нелепость! Да ведь он бы отдал его, — ему он не нужен. И он начал подниматься на ноги, внезапно почувствовав себя в безопасности. Но не успел он выпрямиться, как вмешался здравый смысл и снова поверг его в отчаяние. Он подумал: «Если я сейчас уступлю этому скотине солдату, он снова устроит ужасную сцену завтра и послезавтра — каждый день... предъявит новые претензии, будет топтать меня, мучить, сделает своим рабом и — и я погибну! Погибну! Пароход может прийти не скоро, может совсем не прийти». Его трясло так, что он должен был снова опуститься на пол. Эта дрожь была вызвана сознанием беспомощности. Он чувствовал, что не может, не станет больше двигаться. Он был совершенно ошеломлен, внезапно осознав безвыходность положения, — в одну секунду и жизнь, и смерть сделались одинаково трудными и ужасными.

В его сознание вторгается абсолютная потеря различения или смысла. Между жизнью и смертью, преследователем и преследуемым насилие только усиливается, когда соперничество из формы становится содержанием:

Он бросился налево, сжимая свой револьвер, и в тот же момент, как ему казалось, они налетели друг на друга. Оба вскрикнули от изумления. Раздался выстрел, вспыхнул красный огонь, вырвался густой дым; и Кайер, оглушенный и ослепленный, побежал назад, в голове мелькнуло: «Я ранен, все кончено».

Погоня заканчивается, что дополнительно обозначено окутавшим их «густым дымом», из которого победитель в конце концов замечает «пару задранных вверх ног, выступающих из-за другого угла». Безличность этого открытия свидетельствует о безличности насильственного безразличия.

Макола скроет убийство: «Он умер от лихорадки», — поскольку это же произошло с их предшественником, который похоронен неподалеку. Но Кайер не извлечет из этого притворства ни пользы,

ни утешения, поддавшись вместо этого «глубине ужаса и отчаяния», которые безошибочно сопутствуют последним мгновениям, заключительным словам Куртца. Кайер/Куртц: фонемическая близость здесь неслучайна. Кайер переживает всепоглощающий нигилизм — личный и глубокий, который предвосхищает безумие Куртца в повести Конрада:

Он сидел подле мертвеца и думал, много и по-новому. Он, казалось, целиком отрешился от самого себя. Его старые мысли, убеждения, вкусы — все то, что он уважал или ненавидел, — предстали наконец в их истинном свете. Показались подлыми и ребячливыми, фальшивыми и смешными. Он упивался своей новой мудростью, пока сидел подле человека, которого убил. Он рассуждал сам с собой обо всем, что делается под солнцем, рассуждал с той превратной ясностью, какую можно подметить у некоторых сумасшедших.

Такова «мудрость» нигилизма — чувство абсолютной случайности, когда ничто не имеет значения; коммерция, культура и все прочее для Кайера — «сказка в пересказе глупца» («Макбет»), если таковой вообще был. Нигилизм не приходит как принцип или идея; как показывает Конрад, он обретается ниже по течению после критической точки убийственной ярости. Размышляя, «что люди умирают каждый день тысячами», «он был не вполне уверен, кто мертвый, а кто живой». Мы находимся на острие кризиса идентичности: живой или мертвый, бодрствующий или спящий, Кайер «заснул или думал, что спал»; он в тумане, подобном тому, который окутывает корабль, где Марлоу начинает свой рассказ, и который сопровождает его путешествие по реке Конго.

Он встал, увидел тело, заломил руки и закричал, как человек, который, очнувшись после транса, видит, что он навеки замурован в могиле. «На помощь!.. Боже мой!»

В этот момент мы читаем об ужасающем крике, который временно напоминает безумие джунглей и жестокий апокалипсис, Страшный суд:

Пронзительный, нечеловеческий вопль, вибрирующий и внезапный, прорезал, словно острым кинжалом, белый саван, нависший над юдолью печали и скорби. Еще три коротких вопля, и затем в течение некоторого времени клубы тумана катились невозмутимо среди грозного молчания. Затем снова быстрые и пронзительные взвизгиванья, словно вопли взбешенного и же-

стокого существа, рассекли воздух. Прогресс зывал к Кайеру с реки. Прогресс и цивилизация и все добродетели! Общество призывало свое благовоспитанное дитя, чтобы позаботиться о нем, дать наставления, судить и вынести приговор; оно призывало его вернуться к той куче мусора, от которой он удалился, — призывало его, дабы могло свершиться правосудие.

Это апокалипсис того рода, о котором Жирар говорит в «Завершить Клаузевица»: старая традиция ассоциировала его с ужасной расплатой за человеческие грехи и возмездием мстительного божества, но Конрад, как и Жирар, считает его «слишком человеческой» катастрофой. Для этого последнего суда над колониальным империализмом модернистскому писателю не нужно иметь в виду последнюю книгу христианской Библии; располагая символическим багажом, которым Писание продолжает снабжать даже нашу секулярную современность, он разобрался во всем сам. Правление короля Леопольда имеет все признаки «антицарства, несущего смерть», как Брайан Робинетт описывает апокалиптическую судьбу насильственной взаимности¹⁶.

«Пронзительный, нечеловеческий вопль» и «взвизгиванья» возвещают о прибытии «директора Великой компании, несущей цивилизацию (ибо нам известно, что цивилизация всегда следует за торговлей)». Он находит Кайера висящим на перекладине креста над могилой своего предшественника:

Пальцы ног были всего в двух дюймах от земли; окоченевшие руки повисли. Казалось, он стоит навтыжку, но одна багровая щека игриво обвисла к плечу. И он непочтительно показывал своему директору распухший язык.

Этот насмешливый раздутый язык — невысказанное, невыразимое послание Кайера компании и всему, что она представляет в судьбе двух работаровцев и самоубийц.

«Истребляйте всех скотов!»: Конрад и миметическая история

Как понимать этот трагически-гротескный исход, это самораспятие? Оно неизбежно связано с символикой и этическими смыслами Креста, которые, согласно Жирару, через западную культуру

16. *Robinette B. The Difference That Nothing Makes: Creation, Christ, and Contemplation. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2023. P. 159.*

проникли в историографию, социальные науки, этику и политическое устройство либеральной демократии¹⁷. Он рассматривает Крест как источник вездесущей сегодня «заботы о жертвах», лежащей в основе нашего стремления к демистификации; этой заботы исполнено и европейское Просвещение — не в последнюю очередь в его критике колониального насилия у таких авторов, как Вольтер и Дидро. Эта забота лежит в основе нашего поиска истины, которая «не является относительной. Она — наш абсолют», как утверждает Жиар в работе «Я вижу Сатану, падающего, как молния»¹⁸. Конрад — такой же наследник этой эпистемологической и этической традиции, как и мы все. Следует помнить, что тот высокий статус, который мы присваиваем литературе и подтверждаем включением в литературный канон, построен по образцу иудеохристианского канона как источника познавательного и этического авторитета. Рабби Джонатан Сакс — еще один проницательный читатель Жирара — напоминает нам, что Израиль в своем социально-политическом окружении был уникален тем, что породил «литературу бескомпромиссной самокритики», которую наши лучшие писатели увековечивают и обновляют новым опытом¹⁹. Кристофер Хоу дополняет это прочтение иудейского «богоборчества» идеей «монотеизма истины». Отсюда и свирепое иконоборчество Израиля, его борьба с идолопоклонством. Для Хоу, как и для Яна Ассмана, иудаизм ведет критическую и освободительную борьбу, поскольку освобождает человечество от «укорененности в мире и его политических, природных и культурных силах»²⁰. «Теологизированная справедливость» Израиля коренится в абсолютном различии между теми, кто правит империями, и теми, кто страдает от них, — в ценностном различии, которое мы принимаем во внимание даже сегодня, по крайней мере на словах. Жираровская жертвенная интерпретация культуры в «Насилии и священном» обнажает то, что архаическая религия приписывает собственное насилие своим обожествленным козлам отпущения. В книге «Завершить Клаузевица» он проводит опыт по исследованию «миметической истории», вместе с Бенуа Шантрон углубляясь в теории Клаузевица и те выводы, которые следуют из его идеи о присутствии современной войне «устремлении

17. *Dormoy N. L'Univers de René Girard: entretiens.* P.: Orizons, 2018.

18. *Жиар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния.* М.: ББИ, 2015. С. 186.

19. *Сакс Дж. Не во имя Господа. Против религиозного насилия.* М.: Книжники, 2023.

20. *Haw C. A. Monotheism, Intolerance, and the Path to Pluralistic Politics.* N.Y.: Cambridge University Press, 2021. P. 151–152.

к крайности»: это неумолимая эскалация насилия, которая соответствует базовой структуре и динамике поединка, представляет собой последовательные выпады и парирования между двойниками и ведет ко все более смертоносным и масштабным разрушениям. Творчество Конрада — важная глава в этой истории; его рассказ раскрывает эту патологию *in nuce*.

В отличие от Мишеля Фуко с его понятием «эпистемологических разрывов», пронизывающих западную культуру, Жирар, как и Конрад, является сторонником «континуальности», или «преемства»²¹. У Конрада в романе «Тайный агент» (1907) агент-provokator заставляет умственно отсталого мальчика взорвать национальный памятник в Лондоне, симитировав анархистский теракт; как и ожидалось, это учиненное бессловесным мальчиком насилие влечет за собой лишь еще большее насилие. Повесть «Дуэль» (1908), где события разворачиваются в эпоху Наполеона, охватывает целое десятилетие бесплодного насильственного противостояния.

Этому процессу разворачивания нео- или постбиблейского откровения в художественном повествовании не помешала даже враждебность Конрада к христианству. Мы можем проследить его отвращение к империи еще со времен юности в Польше — фактически колонии царской России и площадке для игр других европейских держав; его отец был приверженцем современных либеральных идей. В «Аванпосте прогресса» убийство, безумие, саморазрушение — это краткий, но беспощадный рассказ Конрада о его собственной поездке в Конго, откуда он вернулся совершенно больным. Думаю, его подкосила не малярия, а что-то иное, что он видел и слышал, чем поделился с Роджером Кейсментом и о чем независимо друг от друга сообщают Адам Хохшильд²² и Линдквист. Не по пути с имперским христианским миром и библейской антропологией Жирара; он волей-неволей критикует и осуждает «христианские церкви» за «потворство существующему порядку, который всегда имел характер „жертвоприношения“»²³. Кавычки здесь выражают беспокойство Жирара по поводу неосторожного использования этого обвинительного ярлыка. Правда, в других местах он обходится без кавычек: в той

21. Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М.: ББИ, 2019. С. 9.

22. Hochschild A. King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror, and Heroism in Colonial Africa. N.Y.: Harcourt, 1998.

23. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 190.

мере, в какой политические решения направлены на достижение «меньшего зла», «политики без жертв» быть не может²⁴.

По моим собственным наблюдениям, это слово хорошо подходит для многих институциональных практик. В «Разделе Африки» Томас Пакенем описывает миметическую конкуренцию европейских держав за африканские владения, где каждое имперское вторжение — образец для других, но что реально стоит на кону, никто не осознает²⁵. Мы знаем, что это была прелюдия к Первой мировой войне, когда, по словам одного дипломата, «погасли огни Европы». Конрад — летописец этих наступающих сумерек. Говард Френч в книге «Рожденные в черноте: Африка, африканцы и создание современного мира» прослеживает экспансию европейских империй в Западное полушарие; он изображает «переплетение» колониальных практик, составляющих «интегрированную систему», которая является экономической, военной и политической²⁶. Он показывает, как в этом процессе рождалось понятие «белокожести»; это «побочный продукт», то есть остаточная, производная идентичность, придуманная, чтобы выделяться среди порабощенных «цветных» местных населений. Пакенем пишет про территории; в близкой по содержанию книге Френча подробно рассказывается о том, как самих африканцев в Новом Свете заставляли работать на плантациях сахара, кофе и хлопка с целью наладить прибыльный экспорт в Европу. Этот процесс начался с расширения заморских территорий Португалией — а позже, по ее образцу, в соревновании приняли участие Голландия, Испания, Франция и Англия. Над всей картой нашей современности угрожающе возвышается *Homo mimeticus*.

«Сопутствующий ущерб» — это еще один (военный) термин для обозначения «жертвенной» практики институтов, особенно в большом бизнесе. Ханна Арендт предупреждала нас об ограничениях инструментальной и целесообразной рациональности, которая стала доминировать в экономической организации с XIX века. Ее расчет затрат и выгод, инвестиций и дохода, прибыли и убытка порождает логику нулевой суммы, преобладающую в рыночной идеологии, неотличимой от рыночного идолопоклонства. Эта преобладающая бизнес-модель, часто связанная с тей-

24. Dormoy N. Op. cit. P. 118.

25. Pakenham T. The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent From 1876 to 1912. N.Y.: Random House, 1991.

26. French H. W. Born in Blackness: Africa, Africans, and the Making of the Modern World, 1471 to the Second World War. N.Y.: Liveright, 2022.

лоризмом и расчетами времени/движения в качестве меры для механизированной системы производительности труда, впервые испытанной на плантациях рабов, прежде чем лечь в основу конвейерной промышленности, по своей природе не является фактором воздействия, физического и умственного, на реальных людей, будь то работники или потребители. У боссов и банкиров, обогатившихся благодаря этой системе, нет причин подвергать сомнению внутренние механизмы ее успеха. В беседе с Надин Дормуа Жирар переопределяет идею «первородного греха» с точки зрения гнусных последствий нашего мимезиса, описывая его как «оковы миметического желания» — бесконечное зловещее извивание на змеиный манер, убеждающее в истинности стиха Быт 3:5: «Будете, как боги, знающие добро и зло»²⁷. В «Сердце тьмы» река Конго извивается как змея перед Марлоу во время поисков Куртца — которого подчиненное ему население почитает за божество.

В целом все эти исторические разыскания убеждают нас в том, что исчерпывающую критику власти как движущей силы истории у Фуко нужно преодолеть в пользу более фундаментальных операций миметического желания: власть, богатство или земля могут разделять и служить *casus belli*, но при определенных обстоятельствах эту роль может сыграть любой пустяк — даже кусок сахара. «Много шума из ничего» в трагическом модусе: «Дело становится полностью самоуполномочивающим, а то, что оно санкционирует, есть истребление»²⁸. Франсуа Кюссе в книге «Общемировой разгул: новая логика насилия» раскрывает «жертвенную динамику» западных институтов — юридических, социальных, экономических и политических — и особое внимание уделяет «положению черных». Его анализ обнажает «циркуляцию» насилия в современной культуре. С точки зрения жертв Империи, жертвоприношение — это «фича», а не «баг» нашего социально-экономического и политического устройства. Об этом же пишет Фредерик Гро в книге «Состояния/Государства насилия»²⁹, и это же сквозная тема у Конрада. Такое фактическое исследование демистифицирует ложь «точечного» насилия в противовес его повальному, анонимному, безличному и системному распространению — тройному насилию «среди нас, над нами, в нас»³⁰. В этом же и послание

27. Dormoy N. Op. cit. P. 70–71.

28. Robinette B. Op. cit. P. 106–107.

29. Gros F. États de violence. Essai sur la fin de la guerre. P.: Gallimard, 2006.

30. Cusset F. Le Déchainement du monde. Nouvelle logique de la violence. P.: La Découverte, 2018.

книги «Возненавидь ближнего твоего, как самого себя» Элен Лёйе, перевернувшей «золотое правило» с ног на голову — совсем как мы в наших капризных, мутных и загадочных взаимодействиях, поскольку она умело исследует переплетенную динамику «ненависти к другому, к себе, к другому в себе, к себе в другом»³¹. Мой краткий экскурс в историю — это то, что Жан-Мишель Угурлян назвал «психополитикой»: близоруким миметизмом, выдающим себя за политику³². Здесь вспоминаются и слова пророка Иеремии: «Врачуют раны дочери народа Моего легкомысленно, говоря: „мир, мир!“, а мира нет» (Иер 6:14; 8:11).

Все эти исследования возвращают нас к Конраду и странно-му жертвенному образу, которым завершается «Аванпост прогресса» и который побуждает нас задуматься о собственном участии в грабеже и саморазрушении. Гротескная карикатура на настоящего Антихриста у Конрада — это то, как Конрад изображает взаимоисключающие цели «цивилизаторской миссии» Запада. Относительно грозной, казалось бы, демонической и чуждой фигуры Антихриста Жирар утверждает:

Чтобы понять его, сначала нужно снять с него налет драматизма, поскольку он соответствует некоторой вполне повседневной, прозаической реальности³³.

Сквозной темой всего литературного творчества Конрада является соучастие во зле, которое заразно; как заявила, поправляя Канта, Арендт относительно Адольфа Эйхмана в письме к Гершому Шолему:

Зло никогда не «радикально», оно всего лишь предельно, и у него нет ни глубины, ни какого-либо демонического измерения. Оно способно вырасти и опустошить целый мир именно потому, что распространяется по его поверхности, как грибок. <...> В этом его банальность. Лишь у добра есть глубина, лишь оно может быть радикальным³⁴.

С этой-то ужасающей банальностью и сталкивает нас Конрад, живописуя судьбу незадачливых близнецов-колониалистов.

31. *L'Heuillet H.* Tu Haïras ton prochain comme toi-même. P.: Albin Michel, 2017.

32. *Oughourlian J.-M.* Psychopolitics. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2012.

33. *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего, как молния. С. 190.

34. Цит. по: *Arendt H.* The Eichmann Controversy: A Letter to Gershom Scholem // Idem. The Jewish Writings. N.Y.: Schocken Books. P. 471.

Библиография

- Жиарр Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2016.
- Жиарр Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.
- Жиарр Р. Насилие и священное. М.: НЛО, 2010.
- Жиарр Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015.
- Конрад Дж. Аванпост прогресса // Английская новелла / Под ред. Ю. Ковалева. Л.: Лениздат, 1961.
- Конрад Дж. Сердце тьмы // Он же. Сердце тьмы и другие повести. СПб.: Азбука, 1999. С. 7–136.
- Линдквист С. Уничтожьте всех дикарей. М.: Паулсен, 1992.
- Сакс Дж. Не во имя Господа. Против религиозного насилия. М.: Книжники, 2023.
- Achebe C. An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of Darkness // Heart of Darkness: Norton Critical Edition / R. Kimbrough (ed.). N.Y.: Norton, 1988. P. 251–261.
- Arendt H. The Eichmann Controversy: A Letter to Gershom Scholem // Idem. The Jewish Writings. N.Y.: Schocken Books, 2007. P. 465–471.
- Bandera C. A Refuge of Lies: Reflections on Faith and Fiction. East Lansing, MI: Michigan University Press, 2013.
- Cusset F. Le Déchainement du monde. Nouvelle logique de la violence. P.: La Découverte, 2018.
- Dormoy N. L'Univers de René Girard: entretiens. P.: Orizons, 2018.
- Elkins C. Legacy of Violence: A History of the British Empire. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2022.
- French H. W. Born in Blackness: Africa, Africans, and the Making of the Modern World, 1471 to the Second World War. N.Y.: Liveright, 2022.
- Gans E. Signs of Paradox: Irony, Resentment, and Other Mimetic Structures. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.
- Grandin G. In Kurtz's World: Joseph Conrad and Violence of Civilization // The Nation. 28.03.2018. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/joseph-conrad-and-the-dawn-of-globalization>.
- Gros F. États de violence. Essai sur la fin de la guerre. P.: Gallimard, 2006.
- Haw C. A. Monotheism, Intolerance, and the Path to Pluralistic Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 2021.
- Hochschild A. King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror, and Heroism in Colonial Africa. N.Y.: Harcourt, 1998.
- Lawtoo N. Conrad's Shadow: Catastrophe, Mimesis, Theory. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2016.
- Lawtoo N. Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation. Leuven: Leuven University Press, 2022.
- Lawtoo N. The Phantom of the Ego: Modernism and the Mimetic Unconscious. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2013.
- L'Heuillet H. Tu Haïras ton prochain comme toi-même. P.: Albin Michel, 2017.
- Oughourlian J.-M. Psychopolitics. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2012.
- Pakenham T. The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent From 1876 to 1912. N.Y.: Random House, 1991.
- Robinette B. The Difference That Nothing Makes: Creation, Christ, and Contemplation. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2023.

JOSEPH CONRAD'S *AN OUTPOST OF PROGRESS*: MIMETIC HISTORY AND EPISTEMICS OF FICTION

ANDREW MCKENNA. Loyola University of Chicago, USA, amckenn@luc.edu.

Keywords: Joseph Conrad; Rene Girard; mimesis; violence; sacrifice; mimetic politics; undifferentiation.

Published three years prior the *Heart of Darkness*, Joseph Conrad's short story *An Outpost of Progress* (1896) hosts all the themes explored in his indictment of colonial imperialism. Unlike the multilayered narrative strategies of the *Heart*, the short story engages a traditional, third-person narrative point of view in its more detailed portrayal of two colonial agents who find themselves complicit in the slave trade for the acquisition of ivory. This discovery on their part causes their previously fraternal interaction to degenerate into fratricidal hostility, a violence of mimetic doubles that results in the murder of the one and the suicide of the other. The narrative concludes with unmistakable apocalyptic imagery that the resolutely anti-Christian Conrad draws from the figurative inventory of Western literature and that, according to René Girard, is the legacy of the biblical critique of sacrificial practices. Massive historical material on colonialism unveils the sacrificial mechanisms at work in this system. Thus the *Outpost* can be read as a chapter in "mimetic history" that Girard explores in the *Battling the End* with special attention to the "movement to extremes" of violent reciprocity. For Conrad, murder and world-destroying madness are twin themes that align with mimetic theory's scrutiny of Western institutions.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-3-97-120

References

- Achebe C. An Image of Africa: Racism in Conrad's *Heart of Darkness*. *Heart of Darkness: Norton Critical Edition* (ed. R. Kimbrough), New York, Norton, 1988, pp. 251–261.
- Arendt H. The Eichmann Controversy: A Letter to Gershom Scholem. *The Jewish Writings*, New York, Schocken Books, 2007, pp. 465–471.
- Bandera C. *A Refuge of Lies: Reflections on Faith and Fiction*, East Lansing, MI, Michigan University Press, 2013.
- Conrad J. *Avanpost progressa* [An Outpost of Progress]. *Angliiskaia novella* [English Novel] (ed. Iu. Kovalev), Leningrad, Lenizdat, 1961.
- Conrad J. *Serditse t'my* [Heart of Darkness]. *Serditse t'my i drugie povesti* [Heart of Darkness and Other Stories], Saint Petersburg, Azbuka, 1999, pp. 7–136.
- Cusset F. *Le Déchainement du monde. Nouvelle logique de la violence*, Paris, La Découverte, 2018.
- Dormoy N. *L'Univers de René Girard: entretiens*, Paris, Orizons, 2018.
- Elkins C. *Legacy of Violence: A History of the British Empire*, New York, Alfred A. Knopf, 2022.
- French H. W. *Born in Blackness: Africa, Africans, and the Making of the Modern World, 1471 to the Second World War*, New York, Liveright, 2022.
- Gans E. *Signs of Paradox: Irony, Resentment, and Other Mimetic Structures*, Stanford, CA, Stanford University Press, 1997.
- Girard R. *Ia vizhu Satanu, padaiushchego, kak molniia* [Je vois Satan tomber comme l'éclair], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2015.
- Girard R. *Nasilie i sviashchennoe* [La violence et le sacré], Moscow, NLO, 2010.

- Girard R. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira* [Des choses cachées depuis la fondation du monde], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2016.
- Girard R. *Zavershit' Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Achiever Clausewitz: entretiens avec Benoît Chantre], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2019.
- Grandin G. In Kurtz's World: Joseph Conrad and Violence of Civilization. *The Nation*, March 28, 2018. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/joseph-conrad-and-the-dawn-of-globalization>.
- Gros F. *États de violence. Essai sur la fin de la guerre*, Paris, Gallimard, 2006.
- Haw C. A. *Monotheism, Intolerance, and the Path to Pluralistic Politics*, New York, Cambridge University Press, 2021.
- Hochschild A. *King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror, and Heroism in Colonial Africa*, New York, Harcourt, 1998.
- Lawtoo N. *Conrad's Shadow: Catastrophe, Mimesis, Theory*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2016.
- Lawtoo N. *Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation*, Leuven, Leuven University Press, 2022.
- Lawtoo N. *The Phantom of the Ego: Modernism and the Mimetic Unconscious*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2013.
- L'Heuillet H. *Tu Hâiras ton prochain comme toi-même*, Paris, Albin Michel, 2017.
- Lindqvist S. *Unichtozh'te vsekh dikarei* [Exterminate the Brutes], Moscow, Paulsen, 1992.
- Oughourlian J.-M. *Psychopolitics*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2012.
- Pakenham T. *The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent From 1876 to 1912*, New York, Random House, 1991.
- Robinette B. *The Difference That Nothing Makes: Creation, Christ, and Contemplation*, Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2023.
- Sacks J. *Ne vo imia Gospoda. Protiv religioznogo nasiliia* [Not in God's Name: Confronting Religious Violence], Moscow, Knizhniki, 2023.